

Когда граница российская была пересечена, а абхазская — не достигнута, нашу машину остановили. Пограничник, узнав, что тут Искандер, уговорил завернуть на рюмку. Зашли, заодно услышав: пограничник обожает Искандера за то, что у него «все так жизненно». «Видно, что написано прямо с натуры». «Да, — ответил Фазиль, — особенно козлотур».

А мы и едем сверять нынешнюю натуру с отображением; «мы» — это Искандер, чьи семьдесят пять земляки задумали широко отметить, и «сопровождающие его лица».

Натура — налицо. «Правда, вылитый дядя Сандро?» — говорит мне Тоня, жена Фазиль, знакомя с его голубоглазым и селоусым родственником. «Смотри, это особняк Коли Зархиди», — толкает меня сам Искандер. Понимай: дом, где романтический Сандро перепрыгивал на коне играющих в нарды хозяина Колло и персидского коммерсанта. Вообще — следы узнаваемой патриархальности (уж как ее, бедную, трогали, ломали, калечили, а она не совсем поддавалась): на дорогах, даже в пределах Сухума, мчащаяся машина привычно-по-слушно лавирует, объезжая непугающихся коров с буйволами, неспутанных лошадей; крохотный поросенок семенил по-хозяйски неспешно, пересекая шоссе...

Но — трагичен Сухум. Не Сталинград, не Грозный, однако, как нам сказали, половина домов разграблена, разрушена, сожжена, а кажется, что и больше. Или, как рана, как шрам на живом человеческом теле, руины особенно бросаются в глаза? Восстановлена гостиница «Рица», но в развалинах Дом правительства; разбита, пустует и воспетая Искандером «Амра» — символ Сухума, комплекс кофейен и ресторанчиков, волнорезом вдающийся в море...

Едем в Новый Афон, и добрейший наш олекул Владимир Зантария, вице-премьер, ведающий культурой, образованием, социалкой и чем-то еще, тамада и поэт, словно воспроизводит военные сводки: здесь стояла их артиллерия... тут мы перешли в наступление... Сама потрясающая природа восстает, как в лермонтовском «Валерике», против сознания, что совсем недавно в этих местах гибли и убивали, но едва, отвлекаясь, туристически ахнешь, пролетая мостом через Гумисту, как услышишь: на нем происходил обмен пленными.

На самом Афоне, невдалеке от невосстановленного вокзала, — пантеон-музей, обсаженный елками — по деревцу на погибшего из местных. В восстановленном, задекларированном Доме творчества писателей (не вскидывайтесь, коллеги, — бывшем нашем Доме, сейчас он вам не по чину и не по карману, ибо возрождением занялся Минатом, — впрочем, не ропщу: слава богу, что сюда идут такие русские деньги) — траурная доска с пятью десятками лиц и имен бойцов Пицундского батальона: абхазы, армяне, русские. Ректор университета Алеко Парамия, математик с европейским именем,

называет число убитых студентов, поражающее процентной величиной (я ему: «Тут не до каламбуров, но какая страшная математика!»). В театре, на торжественном вечере в честь Искандера, блещут танцевальные ансамбли — и вновь: столько-то, говорят, танцоров ушло воевать и не вернулось.

Выпало нам оказаться в Сухуме как раз 9 мая, и, прежде чем ритуально прошествовать к типично советскому памятнику солдатам Великой Отечественной, нас ведут к мемориалу войны девятилетия. Кругом, ромашкой — плиты с именами погибших в бою (что-то около двух тысяч, всего же из жителей Абхазии

сийскую же «солдатскую» самобранку: каша из котелка, сало, картошка, неизбежные «фронтовые», то здесь что-то не иронизируется. Скепсис скепсисом, но слишком свежа рана, и рядом с ветеранами Отечественной войны — черные вдовы этой.

«Воевал», — скажут вам, почтительно и заглазно, представляя кого бы то ни было — крестьянина, интеллигента, члена правительства; и намозоливший за советские годы глаза бессмысленный транспарант «Миру — да, войне — нет» все-рез задевает на фоне полуразрушенного Сухума, как и заменивший рекламу (напрочь отсутствующую) постер «Мы возродимся!» кажется чем-то вроде нашенского послевоенного «Отстроим!..». И когда Искандер на встрече со студентами университета говорит им: «Вы — послевоенные дети...» — сер-

Резиденция резиденцией, но жить пришлось то без света, то без воды, иногда без того и другого, так что ужин при свечах не означал интимно-изыска. Кто-то из нас заметил, что подобное по-своему демократично, а я вспомнил байку про одного нашего стихотворца, женившегося на дочке члена Политбюро и возопившего, когда после пьянки в ЦДЛ ему не сразу прислали машину из кремлевского гаража: «Что за страна! Четырнадцать (или сколько их было?) — Ст. Р.) семейств обслужить не может!».

Абхазия — бедна, впрочем (предмет гордости), не

располагающее к чопорности, мешало вырваться в застольях, само собой — частых, простецкому по-московски: «Ребята...», да они, доктора наук, художники, поэты, историки, между собою и рядом с нами выглядели «ребятами».

Когда, например, министр иностранных дел Сергей Шамба — между прочим, как со значением отметил один из его коллег, видать, наслышанный о страсти к «остепенению» нашего чиновничества, ставший доктором до, — с наслаждением вспоминал о детских походах за соседскими мандаринами и как некто, также налицовавшийся за на-

Сухуме на ваших похоронах — спутал с предком Нестором, отравленным Берией, — но, когда прояснился рассудок, вспомнившему нечто действительно прелюбопытное. Принимаю как должное общество немалых интеллигентов, пьющих свой кофе на сухумской «Брехаловке» и возмрадовавшихся при виде Фазиль: народный артист, скульптор, князь-винодел, философствующий отставной полковник...

Нормально! Но вот едем в Очамчирский район — повод печально-торжественный: сороковины, в автокатастрофе погиб свойственник Искандера, двадцатилетний сын

Станислав РАССАДИН,
обозреватель «Новой»

По Абхазии

Здесь был
мандариновый рай

жертвами стали тысяч пять или шесть). Над плитами — памятник, анфас как бы крестоцвет, в профиль — окрыленная Ника; и, когда хвalebно обращаемся к министру культуры Леониду Энику, интеллигентнейшему, эlegantному, кого, впрочем, легко вообразить в камуфляже — как недавно и было, — он приободряется. Нас, говорит Леонид, в мире — художник, старики поругивают, но мы-то хотим глядеть в будущее.

Недавность потерь даже театрализованную ритуала делает подлинной, и если в родной Москве я, пожалуй, позволил бы себе — слегка, слегка — улыбнуться, оказавшись в армейской палатке-шатре, где командующий российскими миротворцами раскинул рос-

дце мое екает. Это же я — послевоенный, это моя нестыдливая бедность сороковых, мое сиротство, разделенное со сверстниками...

Что говорить, принимаемые — во главе с Искандером — на высоком иерархическом уровне, жили мы на «госдаче», она же «дача Сталина», она же — резиденция нынешнего президента; нас, однако, больше интересовала как «дом отдыха ЦИКа Абхазии», где, привлеченные Нестором Лакобой, кратко гостевали Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна Мандельштамы. Рядом с Ежовым. (А над «госдачей» — раскуроченная гостиница, где постой стоял «Мхедриони».)

имея ни рубля внешнего долга, и если, допустим, не сообщая размер зарплаты министра, то не ради сокрытия доверенной нам коммерчески-номенклатурной тайны: скажу — не поверят. А может, во мне говорит патриотический стыд за наших перекормленных чиновников.

Кстати: никогда в жизни я не был и не буду, как по недопущенности, так по плебейской привычке сторониться начальства, в тесном окружении министров, вице-премьеров, мэров, парламентариев. Тем более никогда б не поверил, что они — не поодиночке, не в качестве исключения — могут быть без позы серьезны, без притворства смешливы, интеллигентны. Только положение члена «делегации»,

шим столом, получил в задницу традиционный заряд соли...

Стыдливо ловлю себя на умилении, каковое к тому ж может показаться отнюдь не лестным, а скорее обидным для представителей власти: будто они не люди. В самом деле, не поражаюсь же — только радуюсь, встретив интереснейшего собеседника в поэте, историке, литературоведе, блистательном говоруне-энциклопедисте Станиславе Лакобе, «Славике»; в нем, ошарашивающем сверхзнаниями об абхазских связях Каменского, Бурлюка, Евреинова, Мандельштама (розыск сведений о последнем как-то привел Славу к старику Шкловскому, уже слегка заговаривавшемуся, встретившему гостя сообщением: «Я был в

ректора школы, — и за одним из столов, накрытых на четырех персон, увлекаюсь беседой с сидящим напротив Баталом (учитель? историк-любитель?), развивающим идею постановки в горном Чегеме «Пастуха Махаза», инсценировки главы из романа о Сандро. И уже не воспринимаю как должное, но поражаюсь, узнав, что этот Батал после абхазо-грузинского конфликта («воевал») пять лет был министром юстиции. Так же, как экзотикой отдает, когда помянутый вице-премьер «Вова» Зантария цитирует запросто все того ж Мандельштама, Белого, Хлебникова, произнося тост, может всколыхнуть помянутый Камо или продекламировать Пушкина, да какого: «Паситесь, мирные народы!..»

Ф. Искандер и Ст. Рассадин на фоне останков легендарной «Амры»

с Искандером

Неполитические заметки

Что ж? Обогнул ли их процесс отрицательной селекции — процесс общемировой, о чем и Искандер как-то заговорил во время одного из застолий, нередко, вопреки распространенному о них мнению, превращавшихся у нас в живую беседу о наболевшем — историческом и политическом?

Дошло до того, что в день приезда, когда мы случайно сошлись за столом с нашим вице-спикером Сливской, Фазиль с неожиданным педагогическим педантизмом изложил ей историю отношений двух своих родных, хронологию вступления Абхазии в состав Российской империи. И он же, для земляков — наивысший авторитет, внушал им, внимающим, что интеллигенция «маленького народа» ответственна перед ним в особенной степени, ибо и он и она как раз по причине своей относительной малочисленности не могут позволить себе — в отличие от «больших», от «великих» — расслабляться.

Тут, правда, высушу со своим ревнивым сомнением: может, большие-то тем паче не могут и не должны. Потому что соответственно великие губительные последствия национального безволия...

Если мои наблюдения, сделанные за две абхазские недели, не слишком поверхностны, то состояние местной «элиты» (понятие, в России испокон веку, отчего и кавычки) имеет логику.

Абхазия проходит романтическую стадию самоутверждения, самозащитной сплоченности, следовательно, и общенародного воодушевления. А вдобавок — говорю без преувеличения, опасаясь, что меня не поймет наш читатель Акунина и Донцов, который в юбилейный день писателя Искандера, полузабыв про него, массово праздновал совпавший юбилей Жванецкого (а если бы Фазиль угадало родиться в один день с Пугачевой?), — в общем, не преувеличиваю значения того факта, что вся Абхазия читит и читает автора «Козлотура» и «Сандро». Даже на-

чалство — видите, все-таки «даже», неискоренима российская подозрительность к интеллектуальному уровню собственной власти, но тут ничего не поделаешь: постоянное сопоставление «их» и «нас», Абхазии и России неизбежно. Особенно в нынешней болезненной ситуации.

Он возмущен... Он выпустил книгу, в которой доказывает, что некоторые древние храмы Абхазии, ранее считавшиеся соседского происхождения, на самом деле плод архитектурного творчества аборигенов.

Братья не на шутку обиделись. Смеясь, он мне сам показывал кучу писем, полных возмущения и даже угроз убить искажителя истории... В наше время приятно иметь дело с мужчиной, который, показывая такие письма, хохочет.

Цитата из «Сандро» (глава «Чегемская Кармен»), а прототип историка Андрея — Юрий Воронов, археолог, кавказовед, «чистый» ученый, волею судьбы, а отчасти и вышеупомянутыми угрозами вытолкнутый в политику. Ставший вице-премьером правительства Абхазии.

Тут прямая портретность: от физической длинноноготости до научного бескорыстия и бесстрашия плюс сведения о дворянском роде Вороновых, сосланных в Абхазию еще в декабристские времена; впрочем, там еще и связи прашура с Герценом, и причастность родственников к польскому бунтарству. Одного Искандера не мог угадать, сочиняя роман: что его друг, смеявшийся над угрозами, будет убит автоматной очередью на пороге своей сухумской квартиры. Классически четкая схема закатного убийства.

Я это вот к чему.

Восьмого мая, в день рождения Воронова, чуть не все правительство во главе с премьером Раулем Хаджимбой пришло к могиле-мемориалу у

краеведческого музея, и кто-то из нас посетовал: что же, мол, телевидение прохлопало такой торжественный момент? А мне, признаюсь, как раз это понравилось: никакой показухи, никакого официоза — друзья пришли поклониться другу.

В тот день вдова Воронова Светлана («тургеневская женщина» — это опять из «Чегемской Кармен») подарила мне книгу материалов и воспоминаний о своем муже, и я обнаружил с досадой, что в час гибели чистейшего человека из России пришло сочувствие только — перечисляю — от Затулина. От Илюхина. От Селезнева. Ни одна «демократическая»... Еле удерживаюсь от словечка, впрочем, угады-

литик — мне это не по уму, ну, чтоб не самоуничтожаться, не по складу ума, однако что видел, то видел. Что думал, то думаю. Что подозревал, то подозреваю. Или — не подозреваю.

Еще до нашей поездки я то и дело ловил оговорки телеведущих, которые, излагая происходящее в Абхазии, как бы нечаянно (см. эпиграф) произносили: «Абхазия». После бегства Абашидзе оговорки участились, и мы, пребывая в Сухуме, конечно, судачили на сей счет. Кто-то утверждал: «Проплачено!». Кто-то, например я, склонялся к версии обычного бардака. Но и хамская — всего лишь! — небрежность

Земляки безмерно благодарны Фазилу за то, что мир узнал о них из его книг

ваемого. Да, ни один «демократ» не пошевелился выразить сострадание вдове и Абхазии по случаю гибели члена Конгресса русских общин, и когда при мне уважительно поминали Бабурина, что я мог возразить?

Это ведь он, говорят, а не... не... не..., помогал эвакуации беженцев. И чувство безвинной вины одолевает меня, когда вице-спикер парламента Александр Страничкин делкатно недоумевает: почему бы России не помочь восстановить разрушенную русскую школу? (Чего захотел! Мы лучше будем орать насчет прав русскоязычных в Латвии!) Или — озабочиться нищенским существованием трогательно сохраняемого русского драмтеатра.

Я, упаси меня боже, не политолог, тем более не по-

небезопасна, особенно в дни, когда Саакашвили бросает фразу насчет революции роз, которая вот-вот разразится и в Абхазии.

Смешно, но мне, поймавшему эту фразу в дневных новостях, пришлось сыграть роль информатора для премьера и для министра иностранных дел, приехавших на прощальный ужин. Их мгновенный вопрос: каков был комментарий российского телевидения? Отвечаю: вроде бы сдержанно недоверчивый. И — их спокойная реакция: все будет в порядке, а залорная фраза — попытка сорвать абхазский курортный сезон, на который у страны вся надежда.

Знаменитый московский абхаз Руслан, для друзей и для полови-

нее, детское имя, по здешней привычке остающееся на всю жизнь, как Фазиль для племянников — дядя Зюка, как солидный предприниматель Валерий Иванович остался Алябриком), в общем, Пуся-Руслан озадачил меня вопросом: как бы я отнесся к тому, что в моем окружении схлестнулись бы грузин и абхаз? Я было гордо ответил: это немыслимо, своих знакомых я отбираю сам, — но прикусил язык.

Вспомнил: давным-давно в доме моего друга Натана Эйдельмана я встретил Мераба Мамардашвили, не нуждающегося в рекомендациях, который тем не менее явственно поморщился, услышав, что сейчас придет Фазиль Искандер. (Хорошо — не пришел.) А теперь в «Дневниках Натана Эйдельмана», героически расшифрованных его женой Юлей, нахожу

ее, детское имя, по здешней привычке остающееся на всю жизнь, как Фазиль для племянников — дядя Зюка, как солидный предприниматель Валерий Иванович остался Алябриком), в общем, Пуся-Руслан озадачил меня вопросом: как бы я отнесся к тому, что в моем окружении схлестнулись бы грузин и абхаз? Я было гордо ответил: это немыслимо, своих знакомых я отбираю сам, — но прикусил язык.

Вспомнил: давным-давно в доме моего друга Натана Эйдельмана я встретил Мераба Мамардашвили, не нуждающегося в рекомендациях, который тем не менее явственно поморщился, услышав, что сейчас придет Фазиль Искандер. (Хорошо — не пришел.) А теперь в «Дневниках Натана Эйдельмана», героически расшифрованных его женой Юлей, нахожу удивленную запись, сделанную в тот самый день и касающуюся Мераба: «не понимает, почему абхазы не должны подчиняться грузинам».

Уж не в грудь ли мне себя колотить, уверяя, что не собираюсь принизить грузина-философа? И если не могу отделиться от того воспоминания, то причина — сознание, что, стало быть, и такого высокого уровня достигает разделяющая народы трещина. В том и трагедия, что даже такого.

Мое ощущение: пока — пока! — надежда тбилисских властей на вхождение «самостоятельной» республики в состав Грузии бессмысленна. Не радуюсь, ибо грех радоваться любому разоблачению, но что вышло, то вышло: роковое «силовое» решение Шеварднадзе — Китовани — Иоселиани совершило то же, что Ельцин — Гравчев сделали с отношениями Чечни и России. В Абхазии почти в каждой семье — погибший (иногда добавляют шепотом: и изнасилованная); скоро ли выветрится этакая память?

Тот же Руслан:

— Понимаешь, в моем московском доме я знаю соседей только по нашему подъезду, и то потому, что я такой общительный. В Сухуме я все знал про всех в ста шестидесяти квартирах. У нас вообще все знают про всех. Помнят, кто из местных грузин не надевал камуфляж. Кто надел, но не взял автомат. Кто взял, но не стрелял. Кто...

И т. д. Кстати, в Абхазии по-прежнему живут пять или шесть тысяч грузин. Как нас уверяли, никто их не обижает. Похоже.

А объединение... Неужто никакого выхода? Есть, есть — и простейший. Тот, который Макаренко как-то дал незадачливым родителям, чей сын отбился от рук и кто воззвал к педагогу: как его вернуть? Этак, ответил Антон Семенович, вы меня спросите, что делать, ежели потерял кошелек. Надо купить новый, заново копить деньги — только всего.

Долгое дело? Но и другого выхода нет, не считая, конечно, — я о кошельке — возможности грабежа.

...Я — абхазофил? А как же! Не больше и не меньше, чем любой русский читатель Искандера, благодаря которому Абхазия, именно она, хоть и преобразованная в страну Утопия (но не в страну Идиллию), вошла в наше сознание как образ гармонии, образ естественного существования.

Но моя «филия» не предполагает никаких фобий. Я и грузинофил, если говорить о стране Бараташвили, Абуладзе и Иоселиани (не Джабы — Отапа!), братьев Чиладзе, того же Мамардашвили. Однако сколько б ни накопилось взаимных вин и обид, а сознаю, как много кровотокающего может предать и «другая сторона», — вот, увы, жестко наличествующий факт: все же не Тбилиси порушен воинством Ардзинбы, а Сухум — усилиями «Мхедриони». Увы.

В о время одного из пиров ездившая с нами Наташа Выгон, московский доктор филологии, сказала в застольном тосте: Абхазия может стать истинно свободной и процветающей страной XXI века... Ох! Даже за кавказским столом — не чересчур ли безумная лесть? Пораздумавши, констатирую: не чересчур.

Показали нам телефильм, снятый молодым и очень талантливым Ибрагимом Чкадуа. Искандер и Абхазия. Абхазия и Искандер. («Абхазия — это и есть Искандер», — не раз приходилось слышать, что тоже не было лезть: земляки безмерно благодарны Фазилу за то, что мир узнал о них из его книг.) Фильм — как ключ к пониманию нынешней Абхазии.

Он, снятый на крайне скудные средства, что, между прочим, подтвердили мои сомнения в правоте российских телевизионщиков, уверяющих, будто сумма затраченного прямо пропорциональна качеству; собранный из случайно сохранившихся после погрома студии материалов, но не вызывающий желания делать на это скидку; показанный в единственном на весь Сухум кинозале, где около ста зрительских мест («Правда, уютный?» — «Правда»). Еще бы ему не быть таковым, словом, фильм — пример преодоления. Победы вынужденно малыми средствами — но победы, не вызывающей к снисхождению.

Возвращаясь к «стране XXI века»: в конце-то концов, а поверженные Германия или Япония?... Окорачиваю себя: эва, куда хватил! И все же...

Да, да, многое понимаю: не слишком-то психологически приспособленная для рыночной экономики (еще Искандер шутил над чегемцами, заламывавшими на базаре неслуховые цены и из гордости предпочитавшими увозить свой товар обратно, чем цены снижать), пораженная грехами больших стран и т. д. и т. п., Абхазия, по крайности, еще не утерла шанс, нами, Россией, бездарно профуканный.

«Счастлива та страна, в которой ничего не сделано», — писал когда-то великий француз великой немке, она же российская императрица Екатерина. Что говорить, являемое историей количество упущенных шансов может и подавлять, но не вечно же проигрывать.

У Абхазии поистине нет иного выхода, кроме как выжить.

● Сухум — Москва